

ЮЖНОЕ ОБОЗРЪИЕ

Второй листъ

Къ № 2637

Воскресенье, 17 -го октября 1904 года.

Къ № 2637

Смотръ, произведенный генераломъ Стесселемъ возвращающейся съ вылазки части.

Отъездъ А. И. Куропаткина изъ Мукдена на позиции, передъ последними боями.

Побѣгъ.

(Изъ воспоминаний о франко-пруссской войне).
(Переводъ для "Южного Обозрѣя").

(Съ французскаго).

Франсуа Гульель.

Въ салонѣ маркизы С. шла оживленная бесѣда. И теперь еще иногда вспоминаютъ франко-пруссскую войну, страданія пѣнинскихъ, жестокости избѣгцевъ, рассказы товарищами о длинныхъ годахъ заключенія въ пѣнзенскихъ крѣпостяхъ. Говорятъ о ловкихъ побѣгахъ, которые не перешли въ область народныхъ легендъ, только потому, что изъ смутныхъ времена некому было ихъ запоминать и передавать народу.

— А вы, генералъ, сказала маркиза, какъ вы спаслись? Со временемъ войны васъ не видно! — все вы скрываетесь въ какихъ-то колоніяхъ, все вамъ не сидится; парижскую, что вы бѣжали, пореодѣвшись въ юбку! Вы вѣдь были блдовыми юношами, вамъ все было ни по чему! И помните ваши прѣблѣги, генералъ!

Высѣкъ, худой генералъ, съ ярко-печальнымъ лицомъ, грустно улыбнулся.

— Нѣтъ, маркиза, не въ юбкѣ, тогда юбки нельзя было пытать, и бѣжалъ въ под-расписные попомары.

Присутствующіе стали поодаль придвигать стулья, какъ бы прятаявая генерала приступить къ разсказу.

Замѣтилъ ли это генераль, или у него просто явилось желаніе подѣлиться воспоминаниями — неизвестно, но, окинувъ присутствующихъ равнодушными взглѣдомъ, онъ, нѣжа, привинувъ стулъ къ камину и началъ свой разсказъ, тихимъ, беззвучнымъ голосомъ, смотрѣя въ огонь, точно онъ говорилъ самъ съ собой, точно присутствующіе не существовали для него.

— Это было въ Мецѣ, послѣ капитуляціи. Передавъ командинаніе моей дивизії бѣдному А., который нѣсколько лѣтъ спустя, такъ храбро умеръ во время отступленія въ Ланг-Сонѣ, я вѣдѣлъ осѣдлать Салу, мою кобуру стального цвета, которую я привезъ изъ Африки. Мы съ ней были старыми товарищами; не разъ, во время осады, мы дѣлились съ ней хлѣбомъ, когда у насъ не было овса!

Нарядившись въ парадный мундиръ, и сѣсть на коня и пустилъ Салу шагомъ. Когда и проѣхалъ аванпосты, и приподнялъ коня и побѣжалъ въ галопъ, держа саблю наготовѣ. Я вполнѣ сознавъ, что это было безуміемъ съ моей стороны! Чего я добивался? смерти или свободы? — я самъ

Чествование японцами памяти погибшихъ офицеровъ.

Улица въ Мукденѣ.

не могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ. Тѣперь, когда я думаю о своей выходѣ, мѣхъ кажется, что это было прострѣть молодой души, которая не могла помириться съ позоромъ.

Вѣтеръ дулъ мѣхъ въ лицо, грудь широко подымалась, вдыхая сѣйкий воздухъ, меня охватило какое-то опьяненіе, жажды дѣятельности, потребность въ движеніи, но

слѣ того, какъ мы томились столько недѣль за стѣнами Меда...

Вдругъ откуда то закричали: Wer da^a. Раздался выстрѣль; моя кобура споткнулась. Энергичныемъ движеніемъ я поднялъ ее. Выстрѣль трещалъ безъ конца за моей спиной, но я, не смущшись, скакалъ во

^a) Wer da — кто тамъ?

весь опоръ. Выстрѣлы стались глухо, вдругъ совершенно неожиданно, толчокъ въ спину покалывалъ меня на луку сѣдла. Инстинктивно, я обнялъ обѣмы руками шею животнаго. Приподнявши лошадь, я подгонялъ ее, умоляя ее поспѣшить, и шепталъ ей на ухо самыя нѣжныя слова. Въ минуту опасности, человѣкъ самъ не знаетъ, что онъ дѣлаетъ! Я говорилъ съ лошадью, точно она могла понять меня! И представьте себѣ, сна, действительно, посылая меня. Несмотря на рану, она подожителочно, летѣла, казалось, съ ноги не касались земли; я вѣдь хорошо зналъ Салу! Не разъ мы, на бѣгахъ въ Коннѣтикутѣ, брали призы! — но никогда она не шла въ карьерѣ, какъ въ этого раза! Кронъ струилась изъ моей груди: быстрота эзды, слабость отъ потери крови, утомили меня до такой степени, что я потерялъ сознаніе. Кобура моя стала обжигать какими то скжаками, она вздрогивала, фыркала; вдругъ стала. Дрожь пробѣжалась по ея тѣлу... Я и теперь чувствую эту дрожь... Она жалобно заржала, и я почувствовалъ сильный толчекъ... затѣмъ... я уже ничего не помню.

Я проснулся въ какой-то пещерѣ, на соломѣ, укрытый какими то тряпками. Около меня сидѣлъ какой-то крестьянинъ. Онь нашелъ меня лежащимъ въ обморочномъ состояніи около моей чертвой кобуры и унесъ меня въ свою берлогу, вырытую на склонѣ горы, неподалеку отъ заброшеннѣхъ каменоломенъ. Хозяинъ мой былъ гигантскаго роста, съ невозмутимымъ лицомъ, ленивыми движениями, онъ не былъ словоохотливъ и не любилъ говорить о себѣ. После долгихъ разспросовъ, я узналъ, что онъ служилъ шесть лѣтъ въ артиллериѣ во времена завоеванія Алжира. У него осталась на память отъ военной службы хроническая лихорадка и прозвище канониръ, которое онъ сохранилъ павсегда. У тѣ времена, кто служилъ шесть лѣтъ въ арміи, считался солдатомъ на всю жизнь.

Около двухъ мѣсяцевъ я проболѣлъ. Рана у меня была серьезная, лѣчить ее было скромно, да и вообще, я быта лишь всемъ необходимаго. Мой хозяинъ не разъ рисковалъ жизнью, чтобы добѣть мѣхъ пищу и достать мѣхъ травы на приправу для моей раны. Онь сидѣлъ часами около меня и, молча, курилъ трубку; лихорадка била меня, мѣхъ казалось, что надо мной земля тряслась, подъ тѣжестью нѣмѣцкаго пѣхоты и ея пушекъ. Наконецъ, въ послѣдніхъ числахъ декабря, я настолько исправился, что могъ покинуть пещеру канонира. Я

